

УДК 159.9

DOI <http://doi.org/10.15421/102106>

ЭГОИСТИЧЕСКИЙ И ГЕДОНИСТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКСЫ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ЗАГАДОК EGOISTIC AND HEDONIC PARADOXES: PSYCHOLOGICAL INVESTIGATION OF THE PHILOSOPHICAL RIDDLES

Левит Л.З.

д.психол.н., доц. (г. Минск)

leolev44@tut.by

Автор статьи, исследуя известные постулаты гуманитарных наук, обнаруживает и объясняет различные психологические механизмы, лежащие в основе действия знаменитых философских парадоксов – эгоистического и гедонистического. Некоторые учёные рассматривают данные парадоксы в качестве косвенных аргументов против теории психологического эгоизма, построенной по монистическому принципу. Принятие постулатов данной концепции естественным образом требует введения нового фундаментального понятия «эгоизм» в качестве объекта изучения психологической науки вместо «души» или «психики». Суть эгоистического парадокса заключается в том, что индивид, сосредоточенный исключительно на собственной выгоде, в итоге получит меньше выгоды. Так и в гедонистическом парадоксе: сознательное стремление человека к получению максимума удовольствия ослабляет переживание последнего. Автор статьи объясняет действие эгоистического парадокса негативной реакцией окружающих на человека, открыто преследующего лишь собственные интересы. Однако если эгоизм признаётся единственной конечной субстанцией в человеческой психике, значит, следует различать многообразные, более и менее глубокие его уровни, что и осуществлено в авторской многоуровневой системной концепции. Действие гедонистического парадокса, как показано в статье, объясняется не одним, а несколькими различными психологическими механизмами, которые вступают в действие в зависимости от специфики осуществляемой индивидом активности. В сложной деятельности, выполняемой на пределе возможностей квалифицированного субъекта, все ментальные ресурсы используются в виде сфокусированного внимания, что затрудняет непосредственную фиксацию на ощущениях удовольствия. В простой же активности (например, в пассивном отдыхе) первоначально высокий уровень наслаждения начинает быстро снижаться из-за действия закона адаптации (привыкания). В целом же существование и разнообразное влияние обнаруженных закономерностей, объясняющих действие эгоистического и гедонистического парадоксов, не нарушает прочность теории

психологического эгоизма, согласно которой единственной конечной (хотя и не всегда осознаваемой) целью каждого человека выступают его собственные интересы.

Ключевые слова: адаптация, альтруизм, гедонизм, счастье, удовольствие, эгоизм.

The author of the paper, exploring the well-known postulates of humanitarian disciplines, discovers and explains various psychological mechanisms, which constitute the foundation of the so-called egoistic and hedonic philosophical paradoxes. Some of the scientists regard these paradoxes as the oblique counter-arguments against the psychological egoism theory, which is built on the principle of monism. Acceptance of the postulates of the above-mentioned theory naturally requires an introduction of the new fundamental concept – egoism – as the basic object of psychological studies instead of «soul» or «psyche». The essence of the egoistic paradox is the following: an individual, exclusively focused on his own benefit, will get less benefit because of his desire. The same regularity can be seen in the hedonic paradox: conscious striving of a human for maximum pleasure weakens pleasurable experience. The author of the paper explains the appearance of the egoistic paradox by negative reaction of other people towards an individual, who openly pursues his own interests. However, if egoism is considered to be the only ultimate substance in human psyche, we should differ its numerous, more or less deep psychological levels; such approach is realized in author's multilevel systematic conception. The effect of the hedonic paradox is explained by several different psychological mechanisms, which come into action depending on the specific activity of a person. In the process of complex activity, being fulfilled on the highest level of qualified specialist possibility, all mental resources are used in the form of the focused attention, which makes difficult the direct pleasure experience. In the process of simple activity (passive rest as an example) initially high level begins to decrease quickly because of the adaptation process. Nevertheless, the existence and manifold influence of the discovered regularities, which explain egoistic and hedonic paradoxes, do not weaken the theory of psychological egoism, which admits personal interests as the only ultimate (though, rarely realized) goal of every individual.

Keywords: adaptation, altruism, hedonism, happiness, pleasure, egoism.

Введение, цель и основные понятия. Одна из важных целей психологии, равно как и главная цель данной публикации, заключается в исследовании и проверке известных философских постулатов. В последние годы научные интересы автора статьи были сосредоточены в области теории психологического эгоизма. Согласно последней, каждый человек имеет лишь одну конечную цель – собственное благополучие. Люди в конечном итоге не способны ни к чему другому, кроме как ставить собственные интересы во главу угла и поступать соответственно. Из базового эгоизма вытекают все психологические законы, человеческие действия, а также их последствия. По этой причине эгоизм и называется психологическим.

Принятие указанной теории за основу естественным образом требует введения нового понятия («эгоизм») в качестве объекта изучения и базового термина психологии (вместо нынешней «души» или «психики»). Сама же дисциплина может, наконец, избавиться от имени крылатой богини и переименовывается в «эгологию», постепенно превращаясь в полноценную науку. Преимущества такого подхода были раскрыты нами в ряде публикаций (Levit L., 2018).

Теория психологического эгоизма импонирует многовековой «прочностью» и надёжностью. Учёными, предпринимавшими многочисленные теоретические и экспериментальные попытки опровержения «тотального глубинного» эгоизма, так и не было найдено ни одного прямого возражения (которое, разумеется, немедленно обрушило бы всю монистическую концепцию). В результате, как отмечает С. Холмс, «гранитная скала» эгоизма и близкого к нему индивидуализма простояла века в зарубежной науке и имела успехи (в том числе в качестве объяснительного принципа), не сравнимые ни с какой другой теоретической моделью в политике, экономике и других дисциплинах (Holmes S., 1990).

Тем не менее в философии существуют косвенные возражения против признания эгоистической мотивации, естественным образом вырастающей из базовых биологических инстинктов, единственной первичной (конечной) мотивацией поведения человека. Главные контраргументы оформлены в виде «эгоистического» (Дж. Батлер) и «гедонистического» (Г. Сиджвик) парадоксов. Прежде, чем приступать к их анализу, следует указать, что гедонизм (стремление к получению приятных переживаний и избегание неприятных) считается одной из специфических форм эгоизма. Именно поэтому оба парадокса (до некоторой степени связанные между собой, но и во многом различающиеся) рассматриваются в одной статье.

Согласно английскому теологу и моральному философу XVIII в. Дж. Батлеру, индивид должен желать иные вещи, нежели собственное благополучие, для того, чтобы указанное благополучие было достигнуто. Благополучие возникает из человеческих действий, но не может быть единственной целью действий. Например, человек, желает сыграть в шахматы и делает это. Главным (а, возможно, конечным фактором) здесь, по мнению Дж. Батлера, выступает удовлетворение желания, в то время как получение удовольствия остаётся побочным продуктом. Как отмечает

философ XIX ст. Г. Сиджвик, удовольствие не может быть достигнуто непосредственно: сознательное стремление к удовольствию мешает его переживанию. В этом и заключается суть гедонистического парадокса.

Разворот подобного же образа мыслей применительно к эгоизму означает, что человек, всецело сфокусированный на получении выгоды для себя, в итоге получит меньше выгоды для себя.

Гедонизм как форма эгоизма: разъяснения и постановка новой проблемы. Означает ли вышесказанное, что (возможная приоритетная) нацеленность человека на удовлетворение собственных желаний и соответствующие им действия способны разрушить теорию психологического эгоизма? Ни в коем случае. Удовлетворение желаний с помощью совершаемых для этого действий в ничуть не меньшей степени обслуживает конечный эгоизм человека, нежели оспариваемая философами сфокусированность индивида на получении удовольствия. Гедонизм, как уже отмечалось, является специфической формой эгоизма, однако эгоизм не сводится только к гедонизму. Более того, в теории психологического эгоизма не утверждается, что именно гедонизм и только он является конечной субстанцией в человеческой психике. Нельзя подменять общее частным.

Действительно, получение субъектом пользы для себя в той или иной активности (очевидно, связанной с удовлетворением определённых желаний), может не сопровождаться достижением «прямого» удовольствия. В наших лонгитюдных исследованиях, проведённых с помощью методов выборки переживаний (ESM), корреляции между показателями шкал «эгоизм» и «удовольствие» хоть и были положительными, но редко достигали порога значимости (Levit L., 2014).

Как всем хорошо известно, «приятное» (удовольствие) далеко не всегда совмещается с «полезным» для субъекта. «Мы хотим совершать действия, а не только испытывать наслаждение от этого процесса», – отмечает в указанной связи Р. Нозик (Nozick R., 2008). По мнению философа, люди отказались бы подключиться к гипотетической «машине приятных переживаний», став при этом полностью пассивными.

Итак, прочность теории психологического эгоизма не может пострадать от существования обсуждаемых парадоксов. Однако для учёного остаётся вопрос о психологических механизмах, лежащих в основе подобных закономерностей. Почему природа устроила так, что сфокусированность человека на собственном благополучии (пользе, выгоде, наслаждении, счастье) приводит к ослаблению данных состояний? Почему указанные переживания зачастую присутствуют ниже порога сознания и пропадают, как только их (подобно птице счастья) пытаются «поймать»? Ниже мы постараемся дать развёрнутый ответ с учётом достижений современной науки – тех сведений, которые мыслителям XVIII и XIX вв. вряд ли могли быть известны.

Объяснение эгоистического парадокса. Для эгоистического парадокса рациональное объяснение приходит быстро и кажется несложным. Человек живёт в обществе и неизбежно взаимодействует с ним. Как только индивид

открыто (полностью и сознательно) сосредотачивается на реализации лишь собственных интересов, он быстро становится заметным для окружающих (с негативной стороны), поскольку нередко задевает их собственные потребности (иногда – в грубой форме). В результате откровенный («махровый») эгоист превращается в объект социального ostracism и не может реализовать свои эгоистические желания в условиях недружелюбного окружения. Так что, в полном согласии с моральной философией Дж. Батлера, парадокс эгоизма выполняет «корректировочно-воспитательную» функцию, не позволяя индивиду безнаказанно регрессировать к более грубым и примитивным формам реагирования и поведения ради скорейшего достижения личного благополучия.

Отмеченная опасность, вероятно, объясняет и наблюдаемую антипатию большинства представителей гуманитарных дисциплин к исследованию термина «эгоизм», равно как и замалчивание (табуирование, вытеснение) темы эгоистических интересов в повседневном общении. И наоборот: понятия, не имеющие никаких объективных подтверждений (например, «смысл жизни») приветствуются и активно используются в гуманитарном дискурсе. Последнее для нас представляется не меньшим парадоксом.

Возникает вопрос: если в глубине души все люди эгоисты, как же большинству из них удаётся успешно взаимодействовать с окружающими и при этом добиваться реализации собственных интересов? Правильный ответ подразумевает разделение внутренних мотиваций и внешне наблюдаемых (нередко – альтруистических) действий. Причём внутренний психический план, особенно наиболее глубинные, близкие к биологическим инстинктам его слои, зачастую не осознаются самим актором. Поэтому в научном исследовании речь должна вестись о многообразии уровней и форм эгоизма, более «грубых» и более «тонких» его проявлениях, имеющих разную глубину залегания и, соответственно, разную степень индивидуальной осознанности. Такой подход к изучению эгоизма, попутно избегающий опасностей редукционизма, был осуществлен автором статьи в разработанной двухсистемной и многоуровневой концепции (Levit L., 2014).

В нашем понимании эгоистический парадокс объясняет лишь ту довольно поверхностную часть реальности, в которой индивид принимает не слишком дальновидное решение о наиболее прямолинейных действиях по реализации собственных желаний и потребностей, не учитывающих интересы других людей. А ведь он мог бы, справедливо осознавая приоритетность собственных целей, найти более адекватные и в конечном счёте более успешные способы их воплощения, тем самым минимизировав действие эгоистического парадокса. Поэтому альтруистические поступки, за которыми также скрывается глубинный эгоизм, помогают субъекту лучше достигать собственные интересы, не только не вызывая общественное осуждение и противодействие, но и повышая свою социальную репутацию.

Отметим, что многочисленные экспериментальные попытки Д. Батсона и его коллег доказать существование первичной (конечной) альтруистической мотивации человека (Batson C., 2001) так и не привели к

успеху. Действительно, Батсон установил положительную взаимосвязь между уровнем эмпатии и частотой помогающего поведения, истолковав полученный результат в пользу существования конечного альтруизма. Однако объяснение данного факта с позиций теории психологического эгоизма куда как проще: испытывать эмпатию (сопереживание) по отношению к страдающему человеку неприятно. Поэтому мы оказываем альтруистическую помощь (в конечном итоге) для того, чтобы эгоистически улучшить собственное (пошатнувшееся при виде чужой боли) психологическое благополучие. Чем острее наши неприятные переживания (пропорциональные силе эмпатии), тем чаще и в большем объёме мы совершаем альтруистические поступки, чтобы вернуть себе внутреннее равновесие.

Критики теории психологического эгоизма, отмечая монистическое построение последней в качестве возможного недостатка, предлагают вместо неё концепцию «преобладающего эгоизма» (*predominant egoism*) Г. Кавки. Согласно данной теории, мы действительно бескорыстно оказываем помощь другим людям, однако делаем это нечасто и лишь в тех случаях, когда выигрыш нуждающихся людей от полученной помощи значительно превышает наши личные издержки по её оказанию (Kavka G., 1986).

По мнению автора статьи, теория психологического эгоизма гораздо проще (а значит, и лучше – в соответствии с философским принципом Оккама) объясняет не только отмеченную Г. Кавкой закономерность, но также само предпочтение концепции преобладающего (а не конечного и тотального) эгоизма современными гуманитариями. В самом деле: если помогающий индивид осознаёт, насколько велика приносимая им польза, то он получает для себя немало позитивных переживаний (гедонизм как одна из форм эгоизма). Подобные ощущения, труднодостижимые в рутинной повседневной жизни, существенно укрепляют его самооценку и создают чувство собственной значимости, осмысленности существования. Более того, альтруистические поступки обычно вызывают положительный общественный резонанс и тем самым создают индивиду высокую социальную репутацию, полезную для собственного будущего. Так что многочисленные эгоистические преимущества не так уж сложно разглядеть в альтруистическом поступке. При этом важно отметить, что сам донор помощи, не будучи психологом (а тем более окружающие его люди), далеко не всегда способен осознать наиболее глубокие, конечные эгоистические намерения подобных действий – да и не склонен этого делать, поскольку слыть альтруистом приятно и полезно. Поэтому теория Г. Кавки выглядит достоверной лишь на более-менее поверхностных (полностью осознаваемых сторонами) уровнях взаимодействий, попутно согревая душу морально привлекательной идеей, согласно которой человек не является полным эгоистом в глубинах собственной психики.

Объяснение гедонистического парадокса. Разгадка данной закономерности требует привлечения иных, разнообразных и более развёрнутых объяснений, хотя также не представляет особой сложности.

Вначале рассмотрим классическую ситуацию, в которой актер (например, играющий в шахматы человек) «почему-то» сосредоточен на выполняемой активности, а не на получаемом при этом удовольствии. Рациональное объяснение выглядит следующим образом: для качественного осуществления этой и других сложных видов деятельности необходимо сосредоточить почти все ментальные ресурсы (в виде сфокусированного внимания) на самой активности. Если же шахматист отвлечётся и начнёт осознанно «смаковать» получаемое во время игры наслаждение, то уровень исполнения неизбежно упадёт. В итоге человек быстро проиграет партию, получив меньше удовольствия и от процесса игры, и от её результата.

Экспериментальные исследования «поточковых» состояний (Chickszentmihalyi M., 2011), дарящих актору немало «эксклюзивных», позитивно окрашенных переживаний, показали, что их достижение возможно лишь в том случае, когда квалифицированный индивид справляется с осуществляемой деятельностью почти на пределе своих возможностей. Поэтому для сложной (творческой) активности гедонистический парадокс не только естественен, но и практически неизбежен. Получаемое субъектом удовольствие остаётся на периферии сознания, поскольку все ресурсы сосредоточены на выполнении трудного задания.

Цепочка наших рассуждений приводит к выводу о необходимости рассмотрения противоположных ситуаций – тех, в которых человек стремится, по возможности, не отвлекаясь на действия, получить лёгкое и быстрое удовольствие, чтобы максимально его «прочувствовать», опровергнув тем самым гедонистический парадокс. Для этого индивид старается максимально свернуть «трудовую» активность и расслабиться, настроившись на приятное и пассивное времяпрепровождение. В качестве типичного примера можно представить возлежание в шезлонге на пляже под пальмами с бокалом коктейля – своего рода в «машине приятных переживаний» Р. Нозика. Будет ли в такой ситуации опровергнут гедонистический парадокс?

Увы, наш пляжный гедонист быстро попадёт под действие другой неприятности – закона адаптации (аккомодации, привыкания), согласно которому чувственно-материалистические удовольствия слабеют при каждом новом повторении, уступая место равнодушию и скуке. «Всё проходит», как было написано на перстне царя Соломона. Кстати, доказано, что привыкание и скука практически не наступают в рассмотренных выше сложных, творческих видах активности (Ljubomirski S., 2014) – как раз из-за их сложности и изменчивости, но там, как уже отмечалось, поколебать действие гедонистического парадокса не удаётся по другой причине.

Вернёмся к рассмотрению ситуации отдыха на пляже. Гедонист, попавший под действие закона адаптации, не может не начать думать о получаемом удовольствии – просто потому, что с каждым повтором чувствует его уменьшение, происходящее без всяких видимых причин. Как нам уже известно, подобная фокусировка ещё более уменьшает наслаждение (гедонистический парадокс в действии). Кроме того, настойчивый гедонизм

индивида («хочу, чтобы всё было приятно, как в первый раз») не только снижает переживаемое им удовольствие, но в перспективе создаёт аддикции, лень и ощущение бессмысленности существования (Veenhoven R., 2003). Так стремление к быстрому и лёгкому «добр» создаёт свою противоположность – долговременное и трудноустраняемое «зло».

Возможно, по указанной причине многие люди получают больше удовольствия от предвкушения ожидаемого события, нежели от него самого (Brafman O., Brafman R., 2009). Идеализированная картина будущего, представляемого в течение непродолжительного времени, позволяет уменьшить влияние закона адаптации.

В целом если бы информированный индивид заранее знал о закономерностях привыкания, он, возможно, удовлетворился бы «обычным» уровнем комфорта и не стал размышлять о слабеющем удовольствии, попутно наталкиваясь на гедонистический парадокс и тем самым усугубляя негативный эффект.

Наконец, гедонистический парадокс (вначале действие, а затем, если повезёт, удовольствие в качестве награды за достигнутый результат) весьма уместен в эволюционном аспекте. Ведь удовлетворение базовых потребностей, сопровождающихся получением удовольствия в качестве побочного эффекта, изначально требует действий. И наоборот: неудовлетворённые с помощью действий потребности причиняют сильнейшее неудовольствие (голод, жажду и другие страдания – вплоть до угрозы выживанию). Если бы наш далёкий предок регулярно и надолго погружался в гедонизм и релаксацию, забывая обо всём на свете, кроме получаемого наслаждения, он быстро стал бы добычей хищных зверей или людоедов из соседнего племени. Для того, чтобы наконец завоевать возможность заслуженного отдыха и «права» на сопутствующие досугу наслаждения, обычному человеку вначале приходилось много работать (действовать) с целью повышения своего материального благосостояния и общественного статуса.

И последняя, весьма тривиальная причина актуальности гедонистического парадокса. Вмешательство размышлений (интеллектуальных процессов, самоанализа и т.д.) относительно собственных ощущений (их «количества» и «качества») способно естественным образом данные ощущения уменьшить. Как выразился один мыслитель, мы теряем счастье в тот момент, когда начинаем его искать. Потому и рекомендации позитивных психологов по улучшению внутреннего благополучия индивида с помощью определённых упражнений кажутся нам не только малоубедительными, но и в определённом смысле противоестественными. Поскольку действие гедонистического парадокса никто не отменял, эффект нередко оказывается противоположным желаемому.

Выводы. Таким образом, эгоистический и гедонистический парадоксы имеют ряд важных оснований для своего существования и действия. Как мы продемонстрировали, данные основания различны для каждого из

парадоксов, однако в целом они не нарушают общую устойчивость теории психологического эгоизма.

Библиографические ссылки

- Brafman, O., Brafman, R. (2009). *Shpargalka dlia schastlivchika* [A crib for a lucky man]. Moscow: AST [in Russian].
- Levit, L. (2014). *Ispolzovanie metodov vyborki perezhivaniy (ESM) v issledovaniyakh schastja* [The use of the ESM methods in happiness explorations]. Minsk: RIVSH [in Russian].
- Levit, L. (2018). *Egologija vmesto psihologii: kontury nayki budushego* [Egology instead of psychology: the contours of the future science]. Minsk: Chetyre chetverti. Vol. 2 [in Russian].
- Ljubomirski, S. (2014). *Psihologija schastja* [The psychology of happiness]. Sankt-Peterburg: Piter [in Russian].
- Nozik, R. (2008). *Anarchija, gosudarstvo i utopija* [Anarchy, state and utopia]. Moscow: IRISAN [in Russian].
- Chickszentmihalyi, M. (2011). *Potok: psihologija optimalnogo perezhivaniya* [The flow: the psychology of the optimal experience]. Moscow: Smysl: Alpina non-fiction [in Russian].
- Batson, C. (2001). Empathy and altruism. *Handbook of Positive Psychology* / ed. by C. Snyder, S. Lopez. Oxford: Oxford University Press [in English].
- Egoism, available. Retrieved from: <http://plato.stanford.edu/> [in English].
- Holmes, S. (1990). *The Secret History of Self-Interest. Beyond Self-Interest*. Chicago: University of Chicago Press [in English].
- Kavka, G. (1986). *Hobbesian Moral and Political Theory. Part II*. Princeton: Princeton University Press [in English].
- Psychological Egoism, available. Retrieved from: <http://iep.utm.edu/> [in English].
- Veenhoven, R. (2003). Hedonism and happiness. *Journal of Happiness Studies*, vol. 4, p. 437–457 [in English].